

Риторика вместо институтов

Классическая риторика возникла как искусство публичной политической речи и коммуникации. Вес публичного слова, умение убеждать оппонента, влиять на мнение граждан являются составляющими политической власти в демократиях, к которым, по крайней мере формально, относят себя большинство современных государств. Однако несмотря на то, что в демократических обществах интерес к теории и практике политической риторики должен быть высок по определению, сегодня практически все научные исследования в этой области имеют прикладной характер, смешивая риторику с манипуляцией сознанием потребителей – граждан – избирателей.

К политической риторике питают интерес и политики, и политконсультанты, превращающие классическое искусство спора об истине в инструмент манипулирования общественным мнением. Здесь риторика как форма диалога политических субъектов превращается в орудие влияния субъекта на объект, в форму «эффективного информирования». Подобный технологический подход позволяет ответить на вопрос «как», но оставляет без ответа вопрос «почему». Собственно риторика является здесь средством, приемом, а не самим объектом изучения. Относительная автономия политической риторики возникает в условиях трансформации российского общества, когда «уже» или «еще» нет тех общепризнанных идей и институтов, которые задают «естественную логику вещей» в политике. В данном случае политическая риторика во многом способствует их возникновению, связывая различные политические представления и практики в символическом пространстве публичной политической коммуникации. Между тем *речь политика является не просто набором слов, политическая речь – это одновременно и*

политическое действие. Как ничто другое политическую реальность порождают категории ее описания. Риторика конструирует политическую реальность, идентичности, идеалы, которые непосредственно влияют на жизнь всех граждан общества.

Трансформирующийся характер российского общества, кризис прежних институтов и коллективных политических практик, дискредитация модернистских идеологий выдвигают на первый план поиск новых конституирующих общество идей. В российском обществе риторические «объяснительные схемы» становятся одним из способов формирования новых и обновления старых идентичностей, связанных с историей, государством, нацией, гражданским обществом и т.п. В современной России, как ни парадоксально, наиболее яркие образцы конструирования политической идентичности принадлежат крайним частям политического спектра. Экстремистская политическая риторика в рамках архетипического для политики противопоставления мы – чужие конструирует общности, связанные с мифологемами земли, крови, религии и т.п.

Нельзя не заметить, что вследствие мифологического упрощения и идеологической нейтрализации политической риторики российской элиты, оперирующей самоочевидным уровнем «здорового политического смысла», ее все успешнее начинают вытеснять различные варианты критической политической риторики, ставящей под сомнение легитимность существующего политического режима. Последний оказался не способен породить новой целостной картины мира, в которую согласилось бы себя вписать современное российское общество. Избранная постсоветской элитой модель популистской, монологичной политической риторики, оказалась неэффективной: а) для объяснения фундаментальных целей существования российского общества – «для чего живем»; б) для обеспечения собственной легитимации;

в) для эффективного противодействия критическим идеям, угрожающим российскому политическому режиму.

Политическая риторика создает не просто новые идентичности и коллективности, она порождает словом новую реальность, которая может повлечь за собой как согласие с ней социальных групп общества, так и насилие, и конфликты. Поэтому закономерен как следствие тот факт, что область политической риторики сегодня наиболее активно разрабатывает экстремистская политическая мысль. Поскольку риторика власти призвана семантически «сглаживать», но не «снимать» реальные противоречия. Такая риторика симптоматична для «последних времен», когда политическая элита не может разрешить накапливающиеся в реальности конфликты и противоречия, а новый политический субъект еще не вышел на сцену истории.

***Риторика как паллиатив
отсутствующих институтов***

Анализ политической риторики становится содержательным именно тогда, когда привычные политические дискурсы испытывают трудности в объяснении новой политической реальности. В этом смысле политическая риторика представляет собой весьма гибкий индикатор политических перемен. Например, если «конституционно-институциональный дизайн» политического режима являет то, что должно быть, то риторический неологизм «параконституционных механизмов», «скрытых полномочий президента», «семибанкирщины» и т.п. призван объяснить то, что есть на самом деле. Подобный разрыв показывает, что политический режим не стабилен, находится в стадии трансформации, накладывающейся в России на глобальный транзит к постиндустриальному, «информационному обществу».

Риторическое пространство нынешней России все более теряет целостные идеологические очертания и импера-

тивы, характерные для индустриального (модернистского) общества. Вследствие этого доминировать в данном пространстве начинает популизм и тактический прагматизм, лишённые жесткого идеологического каркаса. Отсюда популярность в риторике российской власти идеологически нейтральных терминов: оптимизации, эффективности, развития, экономических метафор и т.п. Однако природа, рассудок и здравый смысл, к которым апеллировала классическая риторика, перестают быть единственными и достаточными в своей «естественности» основаниями современных политических истин. *Взрывной рост количества политических коммуникаций и информации в современном обществе привел к девальвации классической политической риторики: метафора политического сообщества как агоры сменяется образом «бормочущей толпы», которая не слышит сама себя.*

Наблюдаемое сегодня возвышение постклассической политической риторики связано с тем, что она стала «виртуальным конструктором» для формирования новых политических идентичностей. Политическая риторика превращается в автономный от реальности язык описания политики, обладающий собственным семантическим пространством. Поэтому сам анализ политической риторики становится содержательным именно тогда, когда привычные политические дискурсы испытывают трудности в объяснении и конструировании новой политической реальности. Именно в таких условиях политическая риторика начинает «проговаривать больше, чем говорит», поскольку становится своеобразным полигоном по отбору тех идей и форм, которые в дальнейшем станут привычной легитимирующей опорой политического режима в новой картине мира.

Риторика ностальгии и конфликта

Любому политическому режиму для самоописания и легитимации необходимы: а) общественный идеал, цель,

«национальная идея»; б) враг. Враг, по К. Шмитту, – это Другой или Чужой, а оппозиция враг/друг является сущностью политического: «Специфически политическое различение, к которому можно свести политические действия и мотивы – это различение *друга* и *врага*. Оно ... не выводимо из иных критериев, оно для политического – аналогично относительно самостоятельным критериям других противоположностей: доброду и злуду в моральном; прекрасному и безобразному в эстетическом и т.д. ... Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором “непричастного” и потому “беспристрастного” третьего»¹. Взрывной рост внутренних Других (этнических, конфессиональных, социальных) на обломках «советской империи» стал свидетельством кризиса политической идентичности нового российского режима, который так и не смог предложить «расколотому обществу» политическую идентичность новой нации-государства через «национальную идею» и «общего врага».

Известно, что любому новому режиму как «травма рождения» присуща абсолютизация легитимирующих его первоначальных идей. С этим тесно связано стремление элиты к преемственности власти, якобы призванной оградить общество от социального взрыва и гражданской вой-

---

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии, 1992. Т. 1. № 1. С. 39-40.

ны, которые, по мнению нынешней властной элиты России, должны сопровождать ее ротацию. Но способность российской властвующей элиты на значительные структурные (институциональные) и идеологические реформы, свидетельствует, что российский режим еще находится в стадии активного формирования.

Главное, что предприняла российская политическая элита для укрепления своей легитимности – это возвращение к использованию традиционной политической риторики, призванной симулировать «опору на историю». Это возвращение является приемом, рассчитанным на ностальгию об активно складывающемся сейчас мифе «золотого века» СССР. Условием изменения отношения российской элиты к интерпретации советского периода истории стало то, что после президентских выборов 1996 г. его реванш в реальности стал окончательно невозможным, что признали даже сами коммунисты. Поэтому сегодня СССР символически используется режимом как материал для создания легитимирующего мифа и включения себя в этот миф.

Между тем очевидным стал кризис самого идеологического мышления как основы для «общенациональной идеи». Идеологии отражают социально-политическую реальность модерна – общества, стратифицированного на реальные социальные классы. Сегодня же мы можем наблюдать активный процесс «индивидуализации общества» (З. Бауман). *В потребительском обществе фактически уже нет привычных социальных групп как основных субъектов политики. Поэтому модернистские идеологии и утопии оказываются бессильными в своих попытках объяснить новую политическую реальность, в которую оказалось брошено российское общество.*

Идеологи и ученые соревнуются в метафорах и лейблах, которые присваиваются этой реальности: информационное, постиндустриальное общество, общество «третьей волны», общество потребления и т.п. *Фактически, в условиях*

системной трансформации режима политическая риторика фактически превращается в тот «заполнитель» объясняющих и легитимирующих власть «лакун», которые возникают из радикального расхождения институционального дизайна, политической практики и официального дискурса элиты, бессильного объяснить новую политическую реальность.

В условиях «возврата к истории» можно наблюдать активное вытеснение риторики либеральной – риторикой патримониальной, государственнической. В системе политических ценностей гражданское общество уступает место государству, политические свободы – требованиям социальных стандартов, конкуренция – демонстрации идеологического единства и критике отклонений от «нормы». Так, патриотические идеи из маргиналий вошли в официальную повестку дня, стали нормой. Как следствие, например, произошла своего рода «респектабилизация» «Родины», ЛДПР, В. Жириновского и борцов с нелегальной миграцией как источником если не всех, то многих «зол». Патриотизм и укрепление государства стали новыми «естественными», самоочевидными идеями в основании легитимности режима, в то время как космополитический либерализм сместился на политическую периферию. Такие словосочетания как «социальная ответственность», «социальная составляющая бизнеса» указывают сегодня на «презумпцию виновности» крупного бизнеса перед обществом, который уже готов к переходу от демонстративного самоутверждения к дискурсу самооправдания.

***От риторики эффективности
к риторике справедливости***

Для российской властной элиты после ряда «цветных переворотов» характерно все большее понимание того факта, что простого соблюдения позитивного права недостаточно для установления социальной справедливости и под-

держания собственной легитимности, которая не тождественна формальным законам, но является самим их условием. Существуют ли в российском обществе если не идеи, то хотя бы институты, которые могли бы стать основой общенациональной солидарности при действующем политическом режиме? Поскольку реальные социальные группы в кризисе, они не могут больше играть роль политических субъектов, на которые опираются их коллективные представители – программно-идеологические партии. Привычные ранее идеологии и социальные группы фрагментируются. Соответственно растет количество технологий дефрагментации, в силу плавающего характера социальных связей. Но эти дефрагментированные образования неустойчивы, они легко подвержены распаду.

В основе господствующего популизма лежит превращение ценностей в технологическое средство. Популизм нацелен на прагматический результат, а не на доказательство идеологических истин. Соответственно чистых идеологий уже не существует, они превратились в материал для разнообразных «идейных конструкторов», которыми используются в «политических проектах». Поэтому партии сегодня как институты – это общность скорее ценностная, чем социальная, где виртуально-риторический захват «идентичности» важнее реального образа жизни населения.

Известно, что реальная демократия нестабильна. В реальной демократии большинство идеологически ангажировано и готово отстаивать свои убеждения не только на избирательных участках, но и активным вмешательством в политику путем пикетов, забастовок, разных форм гражданской активности. Поэтому реальная демократия, когда люди активно вмешиваются в свою «общую судьбу» (а политика и есть участие в общей судьбе), легко приводит к революциям и гражданской войне. Складывающаяся сегодня в России управляемая демократия опирается на риторику

рику и идеологеми, призванные поддерживать умеренный градус «политической активности масс», достаточный для исполнения «гражданского долга». Идейной почвой реальной субъектности масс может быть только утопия, выводящая за пределы политического сущего как наличного (настоящего). Сегодня такой утопии в российской политической мысли нет. А риторика консервации статус-кво лишь усугубляет отложенные проблемы, которые рано или поздно все же придется решать.

Эрзац-утопия: модернизационные проекты

Может ли воплощение утопического модернизационного проекта для России одновременно рассматриваться и как способ легитимации российского политического режима? Представляется, что легитимация актуального российского политического режима может быть осуществима только через выбор обществом желательного «проекта будущего», нового модернизационного проекта, который вполне может стать практическим воплощением нового внятного общественного договора, так и не предложенного обществу взамен советского. Оптимальность и эффективность подобного проекта, его приемлемость для населения может быть апробирована на уровне российских регионов.

Российское общество, прошедшее в постсоветский период очередной переломный этап своей истории, должно прежде всего определиться, согласно каким ценностям и целям стоит жить дальше. И особую роль в воплощении нового модернизационного проекта может сыграть опыт реализации региональных и общероссийских экономических, политических и культурных проектов, консолидирующих общество в масштабах всей России.

До сих пор в отечественном обществоведении в заявленной области имели место либо исследования, связанные